

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РОЛИ АРМИИ В СТРАНАХ АРАБСКОГО МИРА

В. В. Желтов, М. В. Желтов

ON THE EVOLUTION OF THE POLITICAL ROLE OF THE ARMY IN THE ARAB WORLD

V. V. Zheltov, M. V. Zheltov

В статье освещаются основные изменения политической роли армий в странах арабского мира, что сыграло существенную роль в демократических преобразованиях в мусульманских странах, которые вошли в политический словарь современности под названием «арабская весна». Раскрывается содержание понятия «новый профессионализм» военных в арабских странах.

The paper highlights the major changes in the political role of the Arab world armies, which played an important role in Muslim countries' democratic reforms known in today's political vocabulary as the "Arab Spring". The concept of "new professionalism" of militaries in the Arab world is explored.

Ключевые слова: армия, милитаризм, авторитаризм, политика, изменения цивилизационные, «новый профессионализм» военных.

Keywords: army, militarism, authoritarianism, politics, civilization change, "new professionalism" of militaries.

«Народная армия», «демократическая армия», «мирная армия» и т. д. – эти и другие подобные формулы в последние годы нередко использовались для характеристики роли военных в арабских революциях, свершившихся в 2010 – 2011 гг., на Севере Африки и на Ближнем Востоке. Такая постановка вопроса, по мнению специалистов, стала своеобразным выражением новой политической мифологии, связанной с претензиями армий арабских стран на присущую им якобы «демократическую природу». И эта «демократическая природа» противопоставляется явно «недемократической» (иногда называют ее «аристократической», иногда – «преторианской» (преторианская армия – это армия, которая осуществляет политическую власть в обществе или прямо влияет на власть)) природе других сил безопасности (полиция, милиция, службы разведки, разного рода спецподразделения и т. д.).

Но так было не всегда. До недавнего времени авторитаризм большинства государств Северной Африки и Ближнего Востока по многим аспектам совмещался с политическим всемогуществом военных. Милитаризм как черта политического режима многих арабских стран являл собой современную версию восточного деспотизма (деспотизм – самодержавное правление одного человека. Греки называли "деспотом" "владыку" или "правителя" несвободного государства. Так же обычно называли византийского императора и христианских властелинов в провинциях турецкой империи. Аристотель положил начало западной традиции мышления, различая персидский "деспотизм" и греческую "тиранию". Тирания, по Аристотелю, – это узурпированная нестабильная власть, насаждаемая силой, в то время как деспотизм устойчив и стабилен. Он основан на согласии людей, которые зачастую не знают никакой иной формы правления, и, следовательно, по сути своей является легальным. Таким образом, деспотизм – явление сугубо восточное, поскольку свободные народы Греции долгое время такое правление терпеть бы не стали. В современном языке термин превратился просто в ругательное слово из политического жаргона, мало чем

отличающееся от таких слов, как "тирания", "диктатура" или "абсолютизм"). Автократы в военной форме и офицеры высшего звена армии на протяжении ряда десятилетий привычно наполняли залы заседаний единственной правящей партии. В арабских странах господствовала мысль, что милитаризм и авторитаризм – это две стороны одной медали [1, с. 73].

Было бы совершенно неверно в начале нынешнего столетия рассматривать политические режимы всех арабских стран как «государства-казармы», как их нередко характеризовали ранее. Такое представление в какой-то мере отвечало реалиям 1960 – 1970-х гг. Позднее же эти государства постепенно шли по пути существенных социально-политических преобразований, которые не могли не менять границу между гражданским обществом и обществом политическим. А это сопровождалось определенным снижением политической роли вооруженных сил.

Более того, в условиях информационного общества военные аппараты арабских государств вынуждены были, что называется считаться, с набирающей силу прогрессивной демилитаризацией арабских обществ. В итоге, как отмечает один из исследователей Министерства обороны Франции Флавиен Бурра, армейское руководство многих арабских стран строит свою деятельность в последние годы на основе переговоров с властями, избегая прямого участия армии в осуществлении политики [8, с. 15].

**Милитаризм и авторитаризм:
брак по расчету?**

Арабские режимы долгое время воспринимались на Западе как милитаризированные политические системы – за исключением, может быть, Туниса – воплощавших собой на деле понятие «государство-казарма», которое с легкой руки американского политолога Г. Лассуэлла [5] получило название «Garrison State» (Garrison State – состояние, в котором военные вопросы доминируют экономической и политической жизни). Этим понятием выражается «подчинение совокупности социальной и экономической жизни императивам войны» [7].

Для понимания роли армии на Ближнем Востоке и на Севере Африки необходимо учитывать влияние на политику арабских государств их открытого конфликта с Израилем. Само существование еврейского государства и его политика рассматривались пропагандой многих арабских стран с позиций непринятия «сионистской совокупности» Израиля. И это служило для руководства арабских стран предлогом для наведения в них вполне определенного общественного порядка, далекого от основ демократии.

Кроме того, фактор существования Израиля использовался в арабских странах для проведения политики милитаризации почти всех ключевых секторов общества (экономика, образование, культура, пресса и т. д.). Такая политика способствовала распространению среди населения разных форм милитаризма, анализ которого был сделан политологом Элизабет Пикар:

«Военная культура – а точнее милитаризм – требует распространения в обществе символов, ценностей и речей, оправдывающих и придающих соответствующую оценку отношениям между армией и властью, опираясь на националистические аргументы или на формулы национальной идентичности. Милитаризованная культура захватывает как частную сферу, укрепляя патриархальные ценности, так и публичную сферу, в которой новые медиа ей уделяют достойное место. Речь идет о повышенной оценке физической силы, уважении «естественной» иерархии возраста и пола, героизации истории и политической жизни, повышении социального статуса офицеров, критике политического плюрализма под углом зрения необходимости обеспечения единения армии и нации» [10, с. 306 – 307].

В большинстве арабских стран, утверждение «современных» режимов, просуществовавших вплоть до 2010 – 2011 гг., происходило на основе захвата власти кастой военных. Так было в Сирии (1949), Египте (1952), Ираке (1958), Алжире (1965) или Ливии (1969).

Однако этот милитаризм не воспринимался как социальная аномалия, находящаяся в отрыве от глубинных потребностей и надежд населения арабских стран. Милитаризм в них нередко воспринимался как вектор модернизации и прогресса в силу значительного традиционного влияния этнических стереотипов (этнический стереотип – устойчивый, эмоционально насыщенный обобщенный образ этнической группы. Аккумулирует пристрастные представления об этносе) и даже трайбализма (трайбализм (англ. *tribalism*, от англ. *tribe* – «племя») – форма общественно-политической племенной обособленности, выражающаяся в формировании органов государственной власти на основе родоплеменных связей. Одно из проявлений межплеменной вражды. Практика трайбализма заключается в предоставлении привилегий выходцам из одной этнической группы при подборе и расстановке кадров в государственном аппарате и, соответственно, в ущерб остальным группам населения. Трайбализм приводит к усилению межплеменной вражды, нередко выливающейся в гражданские войны. Пример тому – гражданские войны в Руанде в 1994 году, в Сомали (война идет, начиная с 1988 г.) и Либереи (1989 – 1996 гг. и 1999 – 2003 гг.)).

Нужно сказать, что многие аналитики и политики на Западе способствовали утверждению девелопменталистских (девелопментализм – (от *англ.* *development* – развитие) – 1. Представление о развитии как о непрерывном прогрессивном движении ко все более совершенным формам. 2. Концепция модернизации, служащая обоснованием превращения традиционно слабо развитых стран в развитые капиталистические страны) мифов, представляющих военные режимы арабского мира как режимы, преданные народам и ведущие борьбу против «сил обскурантизма» традиций и сецессии. Это западное видение, скорее доброжелательное по отношению военной олигархии арабского мира, в сочетании с мифом «просвещенного деспота», основанном «на идее [о том], что вмешательство в политику военных, в какой бы то ни было форме, может содействовать экономическому развитию и/или политической модернизации этих стран. Способности в организации военных сил, моральные качества и патриотизм, распространенные в их среде, могли становиться козырями для национального и этатического строительства девелопменталистской школы» [7].

Вера в благотворную модернизаторскую роль армии в арабских обществах разделялась в послевоенные годы многими либеральными англо-саксонскими авторами и европейскими интеллектуалами, занимавшимися странами Третьего мира. С позиций нашего сегодняшнего знания указанная вера строилась на необъективном, если не сказать на *мифологическом*, основании.

Обращает на себя внимание тот факт, что в такого рода работах присутствовала двойственность в вопросах *военные режимы/гражданские режимы*. Так, теоретик авторитаризма Хуан Линц (Линц Хуан (1926 – 2013) – американской политолог, профессор политических наук в Йельском университете, автор классических трудов по теории тоталитарных и авторитарных политических режимов, различным формам перехода к демократии) утверждает: «первостепенная роль, выполняемая армией в поддержке этих режимов, происходит из факта, что многие офицеры в ней играют важную роль, даже если они не участвуют в управлении государством, что подтолкнуло некоторых авторов рассматривать их как военных диктаторов. И хотя некоторые из них родились именно как таковые и военные продолжают занимать видное место, было бы большой ошибкой не учитывать того, что они опирались на более комплексную политическую структуру, в которой гражданские лица, высшие чиновники в частности, эксперты и политики-выходцы из существующих партий перед государственным переворотом занимали влиятельные позиции» [9, с. 189].

Если следовать логике Х. Линца, то военное изменение современных арабских режимов нельзя оценивать без учета процесса «цивилизационных изменений», в осуществление которых они включаются. Репрессивный регистр, являющийся одной из основных пружин авторитаризма, не ограничивается полем действия только армии. Можно утверждать: если вопросы безопасности становятся главной ставкой в сохранении арабских режимов [6], то сама эта безопасность все более и более выходит за пределы «классической» военной сферы.

Почему арабские военные обречены «цивилизываться»?

«Арабская весна» вызвала к жизни новую романтическую мифологию, которая превращает военных, едва ли не в главных акторов демократических преобразований.

В Тунисе, например, генерал Рашид Аммар, начальник штаба сухопутных сил, который отказался расстреливать толпу в ходе событий зимы 2010 – 2011 гг., представлялся в западных СМИ как «туни-ский де Голль» [4]. Надо полагать, что в таком подходе явно присутствует преувеличение, ибо не учитываются объяснения социоисторического типа. Речь в данном случае идет о том, что арабские режимы вынуждали адаптироваться к новой демократической риторике, которая сопровождает требования таких международных организаций, как Международный валютный фонд, Всемирный банк, Евросоюз и т. д. Оказывая поддержку развивающимся странам, международные организации, как правило, принуждают их цивилизовать свои институты, в том числе и армии.

Между тем, вооруженные силы арабского мира развивались, в том числе и по своей логике, связанной, к примеру, с определенной «нормализацией» своего статуса. Реальность такова, что армии в ряде арабских стран, по сути дела, являются аппаратом безопасности, находящимся в распоряжении власти и конкурирующим с другими силовыми структурами (полиция, частная милиция, наемники, президентские гвардии и т. д.). Это справедливо отмечает, например, Э. Пикар: «Интересы и деятельность вооруженных сил, – пишет она, – стали объединительной и легитимной частью дискурсивного, политического и экономического пейзажа в изменяющихся авторитарных режимах. Военный сектор участвует в институционализации этих режимов, внутри которых он становится одним из агентств власти» [10, с. 305].

Изменение позиции армии в политических системах большинства арабских стран происходят не сами по себе. Они коренятся в социальных, экономических и культурных процессах.

Упадок милитаризма как «институциональной культуры», основанной на апологии мужества и отваги, совпадает с подъемом профессионализма внутри вооруженных сил арабского мира. Офицеры, которые обрели легитимность в своих «военных подвигах» (арабо-израильская война, войны за независимость, региональные конфликты и т. д.), в последние два-три десятилетия постепенно были замещены техниками и инженерами, выпускниками местных и иностранных военных школ, профессиональная культура которых не так уж далека от культуры гражданских элит. На это, в частности, обращает внимание уже упомянутый нами Х. Линц. В своей работе «Тоталитарные и авторитарные режимы» он пишет:

«Новый тип подготовки в военных школах изменил интересы и профессиональные способности военных. Эта новая профессиональная подготовка, контакт с другими сообществами и взаимодействие с другими национальными элитами, в частности с экспертами и менеджерами, породили новый профессионализм, обращенный к внутренней безопасности и развитию» [9, с. 219].

Не удивительно, что представители «нового профессионализма» в руководстве армий, используя метафору Х. Линца, в ситуации политической неопределенности, как это было в Тунисе, Египте и Йемене в 2011 г., проявили способность отказаться от использования мер жесткого насилия в отношении населения. В условиях глубокого политического кризиса, охватившего многие страны арабского мира в 2011 г., командные круги армий этих и других государств стремились найти политические решения, несмотря на требования политического руководства этих стран использовать репрессии против манифестантов. В этом сказывался не столько их относительный «нейтралитет» по отношению к манифестантам и даже не столько как некое проявление естественного демократизма вооруженных сил (как это предполагает романтическое видение), сколько их профессионализм и прагматизм как порождение изменений эпохи и определенного разрыва с былым милитаризмом [1, с. 78 – 79].

«Новый профессионализм» арабских военных является, помимо сказанного, результатом того, что, чем дальше, тем больше армия утрачивает свою монополию на осуществление государственного насилия перед лицом разного рода гражданских и частных служб. Речь идет о том, что во многих странах, в том числе и в странах арабского мира, развивается процесс сегментации и фрагментации полей безопасности, согласно принципу *divide et impera* (Divide et impera (с лат. разделяй и властвуй) – принцип государственной власти, к которому часто прибегают правительства государств, состоящих из разнородных частей, и, согласно которому, лучший метод управления таким государством – разжигание и использование вражды между его частями. В более широком смысле – тактика (чаще скрытая) создания, усиления и использования противоречий, различий или разногласий между двумя или более сторонами для контроля над ними. Нередко используется более слабым меньшинством для управления большинством. Более того, получает развитие конкуренция разных структур безопасности в решении общей задачи поддержания общественного порядка.

Однако конкуренция между различными репрессивными структурами внутри совокупного аппарата безопасности государства не может в полной мере объяснить изменение позиции руководящего состава армии по отношению к политическим событиям в стране. Казалось бы, еще недавно, в 1970-е – 1980-е гг. в Тунисе армия не проявляла нерешительности, расстреливая толпу своих соотечественников, строго выполняя указания политического руководства страны.

Нужно, видимо, сказать и о том, что, армии арабских стран, будучи центральным институтом государства, не отождествляются полностью с действующей властью. А это открывает возможность для военных играть, в том числе и свою роль, в исключительных обстоятельствах. Это наглядно показывают события в 2011 г. в Тунисе и Египте, когда армия, хотя и не сразу, поддержала манифестантов. И этот момент вновь был подтвержден в том же Египте летом 2013 г., когда армия сыграла решающую роль в отстранении от власти президента М. Мурси.

**Экономика страны
и политическая позиция армии**

Экономика является одним из главных факторов, который способствовал формированию «нового профессионализма» в армиях арабского мира. Хотя, справедливости ради, нужно сказать, что масштаб влияния этого фактора в разных странах проявляется различно. Пример тому – армии Туниса и Египта. Если тунисская армия является «бедными родственником» государства, египетская армия, наоборот, обладает немалой экономической мощностью, способной оказывать влияние на всю совокупность общества.

Поясним. Позиции армии Туниса со времен правления Х. Бургибы (Бургиба Хабиб (1903 – 2000) – политический деятель Туниса и первый президент Туниса (1957 – 1987), с 1975 г. – пожизненный президент) в экономическом плане отличала известная «скромность». Это проявлялось не только в том, что она была основана на призыве, но и в том, что армия находилась на обочине деловых кругов и сетей власти. Это во многом объясняет тот факт, что армия Туниса не была замешана в мафиозных деяниях режима. И в силу этого высшие офицеры прислушивались к требованиям народа и, особенно, к разоблачениям фактов коррупции, в которой страна просто погрязла. И не будучи экономическим актором, тунисская армия могла без особого сожаления пожертвовать президентством Бен Али (Бен Али Зин эль-Абедин (1936 г. рожд.) – тунисский государственный и военный деятель, президент Туниса в 1987 – 2011 гг. 14 января 2011 года был вынужден покинуть страну под давлением массовых народных протестов. Получил политическое убежище в Саудовской Аравии, где и проживает в настоящий момент. 13 июня 2012 г. заочно приговорён Военным трибуналом Туниса к пожизненному тюремному заключению по обвинению в убийстве демонстрантов во время разгона демонстраций начала 2011 года), ускорив его отъезд в Саудовскую Аравию.

Совершенно иная ситуация характеризует положение армии в Египте. Ее экономическая мощь в этой стране такова, что она занимает ее промежуточное положение между президентским дворцом и манифестантами на площади Тахрир (Площадь Тахрир – «Площадь освобождения») – площадь в центре Каира, изначально называвшаяся Площадью Исмаилия. Переименована после революции в Египте 1952 г.). Египетская армия всегда играла важную экономическую роль. Так это было как в период правления Г. А. Насера (1952 – 1970) и в период правления А. Садата (1970 – 1981). В последующие годы, уже при правлении Х. Мубарака (1981 – 2011), египетская военная иерархия стала актором неолиберализма, породив тем самым «военно-коммерческие коалиции» [10, с. 305], по выражению Э. Пикар.

Согласно некоторым источникам, египетская армия обладает до 25 % ВВП и обеспечивает от 10 до 20 % национальной занятости. Она обладает предприятиями, клубами, отелями и значительной земельной собственностью. К этому представительному экономическому капиталу необходимо добавить многочисленные привилегии, которыми наделены высшие чины:

«Ее члены обладают правом на жилище, автомобили, клубы, профессиональную подготовку, отпуска,

недоступные большинству граждан. Это дорого обходится государству, точнее – не отражается на бюджете государства: армия как корпус функционирует на собственных источниках дохода, а высшее звено офицеров индивидуально обеспечивается в неизвестных, но значительных масштабах...» [3, с. 73 – 105].

В то же время в последние годы это экономическое могущество высшей военной иерархии все более и более подвергалось угрозе, исходящей от новых кланов («новые фараоны»), окружавших младшего сына Х. Мубарака Гамала, чей возможный приход к власти как наследника отца мог бы нанести ущерб некоторым офицерам высшего звена армии. И потому аналитики выдвинули гипотезу о том, что египетская армия действовала, исходя из «экономического национализма»: принося в жертву Х. Мубарака, она настойчиво стремилась приходу к власти «политико-аферистской коалиции», сформировавшейся вокруг Г. Мубарака [2].

Наконец, еще один из факторов формирования «нового профессионализма» арабских армий – это их «интернационализация». В этом случае показательным является пример армий Туниса и Египта, которые, как известно, довольно регулярно принимали участие в операциях по поддержанию мира в странах, в которых имели место вооруженные конфликты: Конго, Ангола, Руанда, Босния, Косово и т. д. Это имело очевидные последствия для менталитета и практической деятельности военных подразделений. Сказывалось при этом влияние не только прямых контактов офицерского состава арабских армий с местным населением стран вооруженного конфликта, но и влияние их (офицеров-арабов) контактов с представителями военных штабов западных стран (Франция, США, Великобритания, Италия и др.). По мнению политолога Брахим Сайди, интернационализация некоторых арабских армий (Тунис, Египет, Марокко и т. д.) является фактором возникновения внутри военного института демократической культуры, порывающей частично с воинственным милитаризмом предшествующих десятилетий. «Международные институты безопасности, – утверждает Б. Сайди, – способствуют через операции по поддержанию мира росту профессионализма, одной из существенных черт демократического режима в рамках гражданско-военных отношений. Международная кооперация улучшает отношения между гражданскими и военными и гибкость вооруженных сил» [11, с. 591].

Интернационализация арабских армий неотделима, в случае Египта и Туниса, от тесных отношений с Пентагоном, изменение позиции которого по вопросу будущего Ближнего Востока оказала серьезное влияние на развитие протестных движения и на позицию военных.

Феномен «нового профессионализма» (иногда говорят о некоей новой «цивилизованности») военных, позволяет взвешенно оценивать «прагматизм» высшего руководства армий стран, вовлеченных в арабские революции, и с некоторой осторожностью относиться к идее «демократической природы» военных в арабских странах.

Литература

1. Ayari M. B., Geisser V. Renaissance arabes. 7 questions clés sur des révolutions en marche P., 2011.
2. Belkaïd A., Lehmici H. Égypte, la toute puissance de l'armée/Slate-Afrique. 12 février. 2011. Режим доступа: <http://www.slateafrique.com/407/Égypte-armee-pouvoir-economie-politique>
3. Droz-Vincent Ph. Armée et pouvoir politique en Egypte: la dimension économique du pouvoir de l'armée // Chartouni-Dubary M. (sous la dir.) Armée et nation en Egypte: pouvoir civile, pouvoir militaire. P., 2001.
4. Cf. Geisser V., Krefa A. L'uniforme ne fait plus le régime Les militaires arabes face aux révolutions // Revue internationale stratégique. 2011. № 83.
5. Cf. Lasswell H. Essays on the Garrison State. New Brunswick, 1997.
6. Cf. Marzouki M., Geisser V. Dictateurs en sursis La revanche des peuples. P., 2011.
7. Joanna J. Le pouvoir des militaires, entre pluralisme et démocratie / communication au congrès de l'Association française de science politique. Montpellier 7 septembre 2006. Режим доступа: <http://www.afsp.msh-paris.fr/activite/206/collinz06/txtlinz/journal1.pdf>
8. Les champs de Mars / Revue de l'Institut de recherche stratégique de l'École militaire. P., 2012. № 23.
9. Linz J.J. Régimes totalitaires et autoritaires. P., 2006.
10. Picard E. Armée et sécurité au cœur de l'autoritarisme // Dabène O., Geisser V., Massardier G. (sous la dir.). Autoritarisme démocratique et démocraties autoritaires au XXI siècle. Convergences Nord/Sud. P., 2008.
11. Saïdy B. Relation civilo-militaires au Maroc: le facteur international revisité // Politique étrangère. № 3. 2007.

Информация об авторах:

Желтов Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор, декан факультета политических наук и социологии КемГУ, vjeltov@kemsu.ru.

Viktor V. Zheltov – Doctor of Philosophy, Professor, Decan of the Faculty of Political Science and Sociology.

Желтов Максим Викторович – доктор социологических наук, профессор кафедры государственного и административного права КемГУ.

Maxim V. Zheltov – Doctor of Sociology, Professor at the Department of State and Administrative Law, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 03.09.2014 г.